

Авессалом Подводный

ДУМА О БЫЛОМ

Автобиографические размышления

«Аквамарин»
2016

ББК Ю9 88

П44

П44 Авессалом Подводный «Дума о былом», Москва, «Аквамарин», 2016 – 204 с.

Книга посвящена истории вхождения автора в психологию, астрологию и целительство. Автор делится с читателем некоторыми деталями своей биографии и соображениями на разные темы, волнующими человека.

В оформлении обложки использована картина неизвестного художника, Япония, XIX век.

(с) Авессалом Подводный

Оглавление

Глава 1. Разбег в никуда 5

Глава 2. Стихийный психотерапевт 46

Глава 3. Человековед широкого профиля 142

Глава 1

РАЗБЕГ В НИКУДА

Главным фактором моей жизни была и остается Несусветная Чушь.

Бог дал мне слишком хорошую голову, чтобы верить тому, что мне говорят, и слишком простую душу, чтобы это проверять. Впрочем, событийные нити идут иногда по поверхности жизни и сознания, а иногда ныряют на их изнанку, но вовсе не прерываются. Таков камертон и этого моего повествования.

Все автобиографии обладают одним недостатком: они по вынужденным причинам не бывают законченными. Но уж начать зато можно там, где автор считает нужным. Или полезным для повествования. Или интересным для читателя. Или хотя бы для самого автора. Впрочем, про интересы последнего следовало бы забыть: и так речь о нем пойдет в большем, чем стоило бы, количестве и размере. Но это – специфика жанра, и куда ж от нее денешься?

Моя бабка по материнской линии была ученой-физиологом и атеисткой, причем воинственной. Происходила она из семьи мельника и в начале бурного минувшего века прибыла в Москву поступать на Высшие женские курсы – единственное в царской России высшее учебное заведение для женщин. Экзамены она сдала плохо, и поначалу ее хотели не принять. Но не тут-то было! Моя бабушка была красивой, хоть и деревенской, девушкой, и когда она, рыдая, стала умолять главу приемной комиссии все же принять ее, так как она очень-очень хочет учиться, то его сердце дрогнуло и бабушку в обучение взяли. И, как выяснилось впоследствии, не напрасно: она успешно одолела азы науки фи-

зиологии и даже защитила, еще перед войной, кандидатскую диссертацию, что тогда было основанием для принятия ее в московский Дом Ученых. В моем детстве это было элитарное заведение в шикарном особняке на Кропоткинской улице, куда мои родители ходили иногда обедать и на концерты, а я исправно посещал (ученую, стало быть) библиотеку. Где один раз даже видел живого писателя, что для меня было и вовсе чудом.

Родился я в Москве в 1953 году, 11 мая, в половине первого ночи. Этому факту предшествовали значимые события в жизни моей матери, а также советской страны в целом. В марте умер Сталин, открыв перед тем антисемитскую компанию, подхваченную верным своему вождю народом-интернационалистом, и моя мать, имея пухлые еврейские губы (и добрую половину еврейской крови) получила в свой адрес такую реплику в очереди:

– Не продавайте ей ничего! Она родит врага народа!

В период беременности мною моя мать поступала в аспирантуру и сдала все экзамены на пятерки. Особенно ее похвалил принимавший экзамен по философии профессор, сказав, что у нее «диалектическое мышление» – а дело было в том, что она, имея блестящую память, просто шпарила учебник наизусть, чего он не осознал, но почуял в ее словах что-то бесконечно родное и беспримесное. Однако, ввиду еврейской фамилии (и подозрительной сущности) ее в аспирантуру все же не взяли, попросту закрыв на тот год прием.

Во всем этом я чувствую свою прямую вину. Будущее показало, что я плотно интересуюсь философией, но всегда «не той». И клеймо не то, что прямого врага народа, но все же чуждого для него элемента висело надо мной всегда, хотя в разные времена имело разные оттенки. Много позже я узнал английское слово *contrarian*, которое в революционном переводе звучит как попросту «контра», а в послереволюционном – «отщепенец», но обычно используется для обозначения биржевого брокера, который идет против течения торгов. По-русски это слово можно обозначить как «контрарий», и я им стихийно всегда и был; почему – мне неизвестно. Есть вещи, которые идут из такой глубины подсознания,

которую просмотреть не удастся. Да, наверное, это и не нужно, по крайней мере в данном случае. Причем контрарием я был не в смысле поведения (здесь мной часто управлял примитивный конформизм), а именно в сфере интеллектуальной. И недостатки и противоречия разных умственных систем – моделей реальности, говоря на современном языке – видел хорошо, даже слишком.

Впрочем, через некоторое время мою мать в аспирантуру все же взяли – но в другом месте и по другой специальности, филологии. Показательно, что ее вступительный реферат, посвященный синонимии, начинался фразой: «Профессор А. И. Смирницкий считает проблему синонимии ложной». Так что в кого я таким контрарием уродился, читателю должно быть понятно.

В роддоме (имени Грауэрмана) что-то чуяли; медсестра, вручая меня матери, сказала так: «Это ничего, что он такой страшенький – зато глазки у него умненькие». Что-то подобное я слышал потом (в различной форме) много раз. Но люди – разные, и их оценки реальности расходятся. Чуть позже, через пару лет, мама, гуляя со мной по бульвару, услышала такой комплимент в мой адрес: «Какой красивый мальчик! Наверное, на папу похож».

Отец у меня, точно, был красив и длинноног; его привечали даже продавщицы мясных и молочных отделов крупных московских магазинов, которые в то время были совершенной элитой общества, примерно как сейчас рублевские жены. Глядя на него, я (не подозревая о существовании астрологии) постигал таинство солнечного Скорпиона: отец ничего не делал и не говорил женщине, а просто значительно смотрел ей в глаза – и она оказывалась сраженной его магнетическим обаянием. Я же, будучи контрарием, когда вырос, воспринял эти уроки по-своему, и свое обаяние и магнетизм старательно прятал, а на интересующих меня девушек направлял свой деятельный ум. Они (во всех смыслах) плохо меня понимали, но тут уж я был бессилён – или, по крайней мере, не видел или не признавал других вариантов поведения, полагая, что возможно одно из двух: или ты донжуан, или философ, и совмещать эти роли невозможно. У меня, по крайней мере, не получалось, но я об этом не грустил. У меня были другие заботы.

Я выросал в семье научных работников. Бабушка изучала действие витаминов на белых мышьях, отец занимался математикой, мать – лингвистикой. И обо всем этом, естественно, шли ежедневные разговоры их друг с другом и с гостями – тоже по большей части математиками и филологами. И я с детства усвоил их отношение к науке – как к недостижимому идеалу и одновременно – обычному ремеслу, которое вполне возможно изучить и освоить. Много позже, создавая коммуникативную как научную (в моем понимании) дисциплину, я вспоминал эти свои детские впечатления и ощущал себя в редкой роли основоположника науки, который делает ее в чистом поле: писал основные определения, законы, формулы и правила взаимодействия науки с практикой.

В принципе наука – это модель (или набор моделей) определенной реальности, и язык этой модели – обычно он называется парадигмой данной науки – должен быть отличен от языка, применяемого в жизни для непосредственного описания этой реальности. Так вот, при создании науки необходимо предусмотреть три важных аспекта: создание научной модели самой по себе и ее изучение; правила, по которым факты реальности становятся фактами науки; и правила, по которым факты науки (то есть модели) могут быть применены к реальности. Профессионалу это вроде бы самоочевидно, но при этом возникают большие трудности – иногда непреодолимые, и это резко снижает ценность данной научной модели. Два типичных примера – это теория вероятностей и квантовая механика. Как на практике следует использовать теоретический результат, состоящий в том, что вероятность какого-то нежелательного для человека или общества события составляет, предположим, $1/100$? Можно ли считать это событие практически невероятным и пренебречь им? Если речь идет об опоздании на кинофильм, то ответ будет, скорее всего, «да»; а если об аварии на атомной станции, то, скорее всего, «нет». Но эти «да» или «нет» никак не вытекают из теории вероятностей и, более того, совершенно непонятно, кто и на основе чего принимает соответствующие решения.

В квантовой теории что-то похожее: она постулирует, что электрон «размазан» по своему облаку, но результат эксперимента всегда обнаруживает его в каком-то конкретном месте этого облака, и в каком именно месте, ни теория, ни кто-то еще сказать не могут. Это, как обычно говорится, «зависит от наблюдателя», но решить эту проблему, введя наблюдателя в физическую теорию – худший кошмар физика.

И несколько не лучше, как выяснилось, обстояли дела в астрологии и психологии, когда я стал ими серьезно интересоваться. Юнг описал интровертов и экстравертов – но как диагностировать конкретного человека? На эту тему – его многозначительное признание, что это очень непросто. И второй вопрос: предположим, диагностировали мы человека по данной психологической классификации, – но какие выводы мы можем из этого сделать? Как он будет вести себя в конкретной жизненной ситуации? Вот, предположим, солнечный Скорпион – как он будет вести себя, если ему нужно раскрыть свое сердце любимой и сделать ей предложение руки и сердца? Учебники астрологии, по которым я учился, хранили гордое молчание по таким конкретным вопросам, ограничиваясь общими характеристиками Скорпиона – такими, как «гипнотизм», «молчаливость», «сдержанность», «лояльность» и т. п. Однако практическая ценность такой астрологии стремительно снижалась, как в известном анекдоте об астрологической консультации:

К л и е н т к а: Скажите, как удержать Водолея?

А с т р о л о г: (изумленно) Как, вам удалось его поймать?!

Квалифицированный астролог должен был (по моим понятиям) не только знать, какие сети нужно расставлять на Водолея и на какую наживку он идет, но и иметь средства его удержания около клиентки в течение указанного ею времени. Но такую астрологию еще надо было делать...

Всю жизнь какая-то сила рисовала мной кренделя не хуже тех, что выписывают на льду мастера фигурного катания; разница состояла в том, что они знают, что делают, а я – не знал; по крайней мере, я не знал, какая фигура будет следующей и наивно полагал,

что такая же или похожая на ту, которую я вольно или невольно выписываю сейчас. И в этом я ошибался практически всегда.

У моей матери была не только прекрасная память, но и большие способности к иностранным языкам. Прожив в молодости два года в Германии, она говорила по-немецки так, что немцы были уверены, что она немка. А когда в Москву должен быть приехать Ив Монтан, она в порыве энтузиазма за три месяца выучила французский – хоть и не так хорошо, как немецкий. Соответственно, и у меня предполагались способности к языкам, так что я был отдан в английскую школу, где проучился несколько лет, но увлекся математикой и перевелся в математическую школу №2 города Москвы, известную своим вольнодумством и блестящими математиками, которые ее курировали.

Математика – один самых больших моих жизненных «кренделей», который занял (хорошо, что не целиком) около двадцати лет моей жизни и в конечном счете кончился ничем – Несусветная Чушь в очередной раз показала мне свое лицо, на этот раз – математическое. Часто говорят, что математика остриг ум – но я в это категорически не верю. Есть такая вещь, как культура мышления – но с математикой она не связана, и изучение математики и успехи в ней сами по себе эту культуру не повышают. Скорее, это задача философии.

Впрочем, на жизненном пути нередко важнее всего обочина, и этой обочины на протяжении моих «математических» лет (примерно от 13 до 33) хватало, хотя я не всегда придавал ей должное значение. И прежде всего это были литература и психология, и в первую очередь тот ее раздел, который я называю коммуникативной – а попросту говоря, это искусство общения. И вот тут меня ждали ну очень большие неприятности.

Вообще, мое эмоциональное и гуманитарное, если так можно выразиться, развитие шло замедленно, и вдобавок при переходе в математическую школу я «прыгнул» через класс и после шестого класса пошел сразу в восьмой, так что оказался на год младше соучеников. К тому же к нам пришел новый учитель литературы и русского языка, весьма энергичный, деятельный и преиспол-

ненный желания донести до нас как орфографию с пунктуацией (в чем в основном преуспел), так и тайнства русской поэзии и прозы, и вот тут мне пришлось плохо, так как я совершенно не понимал, о чем на уроках идет речь и что от меня требуется в сочинениях. Как я сейчас понимаю, наш учитель мыслил себя несколько выше, чем находился, и мог быть вполне адекватным, преподавая студентам литинститута – но не восьмиклассникам. В результате выше тройки по литературе я не поднимался, и это меня огорчало и грузило, но главное – я не понимал, что же все-таки от меня требуется. Иногда наш литератор читал нам образцовые, с его точки зрения, сочинения – и я не мог понять, чем они отличаются от наших и, в частности, моих.

На беду, у нас было много стихов – сначала Грибоедов, «Горе от ума», потом Пушкин. Я и сейчас бы не взялся написать сочинение по стихотворению «Узник» («Сижу за решеткой в темнице сырой») – там же все ясно сказано, и что хотел сказать автор, то и сказал, и о чем тут вообще можно разводить седьмую воду на киселе? Или «Кавказ» – взобрался автор на снежную вершину и описывает, что оттуда видать – и причем тут я? Что я могу к этому добавить?

У меня, таким образом, была коммуникативная проблема, и решить ее я не мог никак. Но мои тройки, перемежающиеся с двойками, встревожили мою маму, и она принялась решать проблему по-своему. А именно, она обложила критическими статьями и в итоге написала мне сочинение, в большой мере компилированное из них. Я этих статей, естественно, не читал, но послушно переписал своей рукой сочинение и отнес учителю. Его реакцией была ярость. После урока он оставил меня и обвинил в плагиате: сказал, что знает, что мое сочинение было содрано с критических статей, и потребовал, чтобы я сказал, с каких именно. Я этого не сказал, так как не знал, и тогда он вызвал в школу родителей, и моя мать с ним как-то эту ситуацию регулировала. В итоге я остался при своих тройках, но скандал был замят. Потом еще, помню, надо было писать сочинение по «Двенадцати» Александра Блока. Я в этой поэме не понял решительно ничего, хотя

честно прочитал ее два раза. Тогда мамой была применена тяжелая артиллерия – она попросила помощи отца, который в юности выучил немецкий язык и читал в оригинале Шиллера, Гете, Фейербаха и Гегеля. Отец долго вчитывался в текст революционной поэмы, потом поднял голову, тяжело вздохнул и сказал: «Да, смысла в этом немного». В итоге они вдвоем что-то мне накропали, и чем дело кончилось, я не помню, но без скандала. Притом я догадывался, что в стихах смысл – не главное, но что именно в них главное и, вообще, зачем они пишутся, когда можно сказать попросту, мне было непонятно. Мне нравились стихи красивые, звучные, смешные – но революционная лирика до меня не доходила. Боюсь, до сих пор не дошла.

Если назвать современным словом те малоприятные эффекты, которые сопровождали меня всю жизнь, то это «неформат». Причем этот неформат преследовал меня вне зависимости от моих намерений (которые не всегда отдавали конформизмом). Например, в десятом (выпускном) классе зимой я пропустил несколько занятий по физкультуре – по уважительной причине простуды или чего-то в таком роде. Но в это время мой класс сдавал зачет по лыжам, и я его тем самым не получил. Это дело было забыто, но всплыло ближе к концу учебного года, и мой физкультурник заартачился и сказал, что без этого зачета он меня по физкультуре за год не аттестует, а в этом случае я не мог получить документа о среднем образовании и поступить в институт. В результате долгих и унижительных переговоров он согласился принять у меня зачет по лыжам – в мае! Он как-то перевел лыжные нормативы в нормативы броска мяча на расстояние, и я тот норматив выполнил – и получил вождеденный зачет, а вскорости и аттестат.

И подал документы на мехмат Московского университета, куда и был с некоторым скрипом (получив полупроходной балл) принят. Мне на тот момент было 16 лет, и это было первой (но, увы, не последней) большой ошибкой с моей стороны. Впрочем, тогда это смотрелось иначе: шел 1969 год, Советский Союз был в расцвете своих сил, покорял космос, перекрывал Енисей, дружил с народами Азии и Африки, математика считалась царицей наук,

а мехмат МГУ имени Ломоносова – ее цитаделью. Поэтому мое разочарование и в ней, и в себе как в математике происходило постепенно.

Процесс очарования-разочарования в моей жизни происходил не раз, и в целом походил на подъем альпиниста на снежную гору. Сначала она видится как абсолютно недостижимая, сияющая в своей вечной и незыблемой белоснежной красоте царица, но по мере подъема обнаруживаются разные подробности, которые сильно снижают первоначальный образ. Я всегда был чрезвычайно безалаберным и недисциплинированным и мог сосредоточенно заниматься только тем, что меня в данный момент сильно увлекало. А этих увлечений было много, так что математикой я занимался от случая к случаю, но первичных способностей мне хватало для того, чтобы быть одним из лучших по математике сначала в английской школе, потом в математическом классе, а потом на своем курсе на мехмате. Но этого было совершенно недостаточно для того, чтобы стать настоящим математиком – как я это себе представлял. Мой шеф как-то заметил, что будущий крупный математик учится на мехмате один раз в пять лет, и я этого студента знал – это был мой сокурсник и приятель Волик, но не я сам. Волик не только отличался редкой усидчивостью и концентрацией на учебе; еще он думал совсем не так, как я. Разговаривать с ним про математику для меня было примерно то же, что играть в настольный теннис с другим моим другом, у которого был первый разряд по этой замечательной игре. Тот давал всем нам фору 20 очков (при игре до 21) и всегда выигрывал. Все это мне стало понятно уже на втором курсе, но я все же по инерции закончил мехмат и даже защитил кандидатскую диссертацию, что сильно укрепило мое социальное и материальное положение, но вопрос о том, чем же мне заниматься в жизни, остался открытым. Хотя намеки на мое истинное призвание сыпались с разных сторон.

Но все же двадцать лет умственных усилий, пусть и не систематических и довольно хаотичных по направлениям – это много, и было бы грустно думать, что они были напрасны. Для чего это

было мне, по моей судьбе, нужно? До конца не знаю (и, вероятно, не узнаю), но некоторые выводы, которые я сделал, погружаясь в математику чуть глубже дилетантского уровня, для меня имели мировоззренческое значение, давая основание не принимать некоторые распространенные и авторитетные в современном обществе догмы и мифы. И первый из сделанных мною выводов заключается в том, что математика, при всей своей кажущейся сложности, – слишком простой и даже примитивный символизм, слабо пригодный для описания большинства природных явлений, не говоря уже о человеческой психике. О физике не говорю – сейчас ее от математики оторвать не представляется возможным, хотя ее ползучий кризис, выражающийся в нестыковке основных моделей, говорит сам за себя. Впрочем, здесь бы мне лучше помолчать: за время обучения на мехмате меня трижды гнали с экзаменов, и все три раза это была физика. Я не понимал ее категорически, и в конце просто выучивал наизусть тексты ответов на экзаменационные вопросы, повторяя их, как попугай. Дело в том, что, помимо математических формул, для физиков существенным фактором является некий таинственный «физический смысл», которого у меня, очевидно, от рождения не было.

В школе я учился хорошо, перемежая четверки с пятерками, но прикладывая к этому множество моральных усилий, так как дисциплины у меня не было (и нет) никакой, а память посредственная. Что-то (что, очевидно, нравилось моему подсознанию) я запоминал легко и быстро, но такого было мало; а остальное (видимо, не угодное подсознанию) или отвергалось памятью в принципе, или запоминалось с большим трудом и усилиями. На мехмате я учился гораздо легче, так как совсем чуждых мне предметов вроде физики, химии, литературы и истории там было мало, а математика давалась мне легко – по крайней мере, в тех рамках, которые нам предлагали. Но сессии я сдавал с трудом, и в целом успел за свою школьную и университетскую жизнь сформулировать свое отношение к экзаменам как к несомненному злу и очковтирательству. Студент вытаскивает один билет из многих и отвечает на него – и на этом основании экзаменатор делает вы-

вод о знаниях и навыках студента, касающихся всего курса. Естественно, это суждение неосновательно и чаще всего ошибочно. Далее, цена знаний, выучиваемых к экзамену бессонными ночами, невелика – около 90% из них улетучивается из головы студента через пару дней. Плюс нервотрепка и перегрузка и студентов, и преподавателей – и какая в том польза?

Вопрос надо ставить шире: какова польза от отметок в обучении? Ответ, увы, единственный: это кнут. Но лиши современного учителя права ставить отметки – и как справится он с дисциплиной в классе? Как заставит детей учиться вещам, которые им одновременно неинтересны и практически не нужны? Своим детям я всегда говорил так: «Главный ваш экзамен – это ваша жизнь. В обучении важны не оценки, а навыки, которые вы получаете и можете потом использовать. А оценки учитель на самом деле ставит всегда самому себе».

И в этом у меня был замечательный пример: мой школьный учитель математики, пожилой еврей, известный своими задачками по школьной математике и делившийся с нами жизненной мудростью, причем не только в своих рассказах и поучениях, но и в своих действиях. Отметки нам он ставил никогда не ниже тройки (которые были у него признаком явного раздражения поведением ученика и довольно редки), а девочкам – только пятерки, независимо от ответа. Вызвав девочку к доске, он некоторое время слушал ее ответ, потом, обращаясь к классу, говорил: «Хорошая девочка, правда?» – и мы, будучи, лояльными, соглашались. Тогда он говорил: «Садись. Ставлю тебе пятерку, и дай Бог тебе хорошего мужа». Если ответ ученицы его особенно радовал, он добавлял: «А на свадьбу меня позовешь?» – и девочка отвечала ему робкой улыбкой согласия.

Я считаю этого учителя своим первым учителем жизни. Готовя нас к вступительным экзаменам в вуз, он ясно давал нам понять, что правильно решить задачу – это полдела, если не меньше; а после этого нужно еще найти общий язык с экзаменатором и сказать ему именно то, за что он поставит пятерку – а не двойку, например. В частности, учил меня мой математик, нужно

уметь держать фигу в кармане, то есть, используя сильный продвинутый метод, маскировать его, представляя как самое обычное рассуждение. В моих студиях психологии и коммуникатики я использовал эту идею много раз, и она всегда показывала свою силу. Еще он научил меня формуле «Вам виднее», которую рекомендовал использовать, когда вышестоящее лицо (например экзаменатор) начинает нести откровенную чушь, с которой совестно соглашаться. Но самое главное, он отчетливо дал мне почувствовать, что ожидающая меня жизнь во многом будет состоять из психологически окрашенных взаимодействий с разными людьми, и что эта психологическая окраска часто важнее существа обсуждаемых тем и проблем.

Мой шеф на мехмате (официально – руководитель курсовых работ) тоже был для меня учителем жизни, но скорее от противоположного. Он был очень известным, мирового класса, ученым и крупным организатором, имел свой журнал, свой научный семинар и огромный авторитет. Тем не менее он, как я постепенно понял, страдал от комплекса неполноценности и постоянно самоутверждался за счет окружающих, от профессоров до чахлах студентов, причем грубил им нещадно. Я помню, в самом начале нашего знакомства (я учился на втором курсе) он дал мне и моим товарищам десять задач. Задачи оказались не особенно сложными, и я за неделю их решил. Когда мы встретились, шеф спросил о наших успехах, и я сказал, что решил все его задачи. Нас окружало около десяти человек – мои соученики и более взрослые математики. «Вот! – сказал мой руководитель, торжественно подняв свой указательный палец вверх, – вот что значит неразборчивость во вкусах! А на самом деле он <то есть я> должен был отобрать из этих десяти задач две-три, которые ему близки, и наотрез отказаться решать все остальные!»

При всем том мой шеф был сильным интуитивным психологом и любил (и умел), как я бы сейчас сказал, сдвинуть своему собеседнику точку сборки, то есть резко изменить тому состояние сознания, и эти моменты особенно резко бросались мне в глаза и запоминались. Его еженедельный семинар для профессионалов